ПЕРВАЯ ГЛАВА

СПЕШИТЬ НЕКУДА: МЕДЛЕННОЕ ВЗРОСЛЕНИЕ

Ясным осенним днем я приезжаю в среднюю школу, расположенную в окрестностях Сан-Диего, и прохожу в кабинет психологии. Учитель напоминает ученикам о предстоящих в понедельник экзаменах и говорит, что у них остался один день на повторение пройденного материала. Пока мы передвигаем две парты в коридор, учитель копается в документах. Наконец он находит расписку от родителей и вызывает школьницу по имени Азар. Длинноволосая брюнетка поднимает руку и отвечает «Да!».

Азар настроена позитивно и излучает оптимизм. Разговаривает она в столь любимой калифорнийскими тинейджерами быстрой и монотонной манере.

Она неожиданно спрашивает с восторгом:

— Вы смотрели фильм «Шпион»? Это так круто.

Когда я интересуюсь, есть ли у нее сейчас любимая песни, она отвечает:

— Да, Wildest Dreams Тейлор Свифт, Blank Space Тейлор Свифт и Bad Blood той же Тейлор Свифт.

— Тебе нравится Тейлор Свифт?

— Ну я бы так не сказала. Просто знаю все ее песню наизусть.

— А любимая книга?

— «Гарри Поттер» — мое все. Обожаю его.

Затем она сообщает, что у нее нет водительского удостоверения и в школу ее возит мама.

Учитывая зацикленность на Тейлор Свифт, любовь к Гарри Поттеру и то, что в школу ее возит мама, можно предположить, что Азар лет 14. Это не так. Ей уже 17.

Азар очень медленно взрослеет и пока не готова брать всю ответственность за свои поступки на себя. Можно предположить, что она является исключением: учитывая доступность порнографии в Интернете, откровенные наряды школьниц на Хеллоуин и то, что семиклассники выпрашивают у своих сверстниц обнаженные фотографии, многие считают, что современные дети и подростки взрослеют очень быстро.

Детства больше нет. Им доступен мир взрослых, и они считают себя его частью.

Директор одной из средних школ Бруклина

Многие уверены, что современные тинейджеры достигают зрелости, как никогда, быстро. Так ли это?

(НЕ) ГУЛЯЮ С ДРУЗЬЯМИ, (НЕ) ХОЖУ НА СВИДАНИЯ, (НЕ) ЗАНИМАЮСЬ СЕКСОМ

В пятницу вечером я подхожу к аккуратному загородному дому и стучу в дверь. Мне открывает четырнадцатилетняя Прия. Она симпатичная длинноволосая американка индийского происхождения, которая совсем недавно перешла в девятый класс старшей школы, расположенной в окрестностях Сан-Диего. Пока мы сидим за обеденным столом, ее мать предлагает стакан воды со льдом, а я рассматриваю комнату и замечаю большое количество учебников и розовый калькулятор. Прия уже демонстрирует успехи в школе и является отличницей. Я спрашиваю, как она проводит время с друзьями.

Иногда мы ходим в кино или... иногда выбираемся куда-нибудь пообедать. Обычно с нами идет, типа, один или двое родителей. Это зависит от того, сколько нас. Гулять вместе с родителями и друзьями прикольно.

Они выбирают интересный для всех фильм, говорит Прия, и идут в кинотеатр в сопровождении родителей так, словно все еще учатся в начальной школе.

Я приезжаю на встречу с пятнадцатилетним Джеком. Он учится в десятом классе школы, расположенной в пригороде Миннеаполиса, и сейчас он только что вернулся домой с уроков. Мы уже общались несколько раз лично во время моих поездок в Миннесоту. Джек серьезный белый молодой человек с темными волосами и скромной улыбкой, который очень любит свою семью. Когда я задаю вопрос о просмотренных за последнее время фильмах, он называет два, оба из которых он смотрел с родителями. Тогда я интересуюсь, ходит ли он в кинотеатр с друзьями хотя бы изредка. «Где ты тусуешься с друзьями и чем вы обычно занимаетесь?» — спрашиваю я. «Не знаю. Бегаем вместе, — отвечает он. — Мы либо плаваем у меня дома в бассейне, либо я хожу к ним в гости». Я спрашиваю, устраивают ли они вечеринки. Немного подумав, Джек вспоминает, как однажды летом они собрались дома у кого-то из друзей и играли в волейбол, при этом родители все время были рядом. По выходным он, как правило, бегает или проводит время с родителями.

Я спрашиваю:

— Ты ходишь куда-нибудь без них?

— Ну на футбол... На самом деле нет.

Образ жизни Прии и Джека становится нормой: представители поколения I все реже выбираются из дому без родителей. Впервые зафиксированный у миллениалов, этот тренд резко усилился с появлением поколения I (см. рис. 1.1). Цифры потрясающие. В 2015 году двенадцатиклассники гуляли без родителей реже, чем восьмиклассники в 2009 году. Другими словами, восемнадцатилет-

ние школьники гуляют без родителей реже, чем четырнадцатилетние дети всего шесть лет назад.

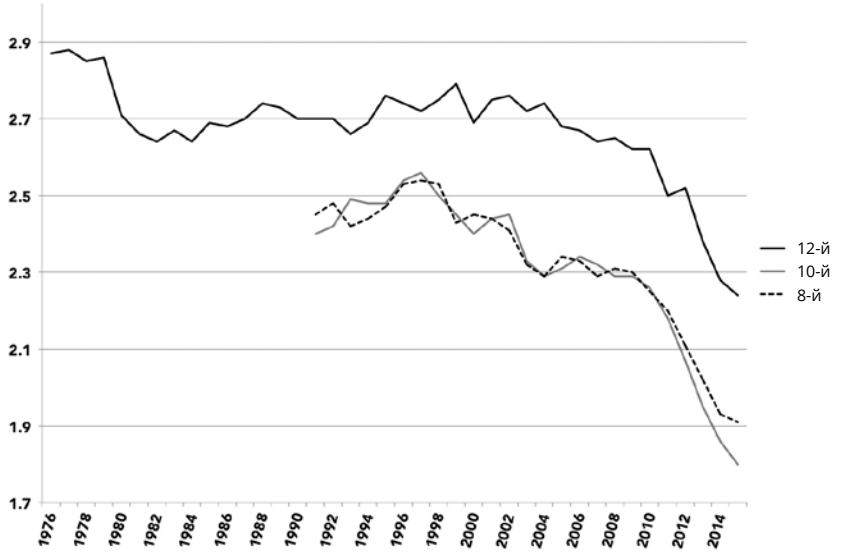

Рис. 1.1. Сколько раз в неделю ученики 8, 10 и 12-х классов гуляют без родителей. Monitoring the Future, 1976–2015

Это снижение никак не связано с изменением расового состава населения: белые тинейджеры также следуют этому тренду. В равной степени тренд затронул школьников как из рабочего, так и из среднего класса. Тренд никак не связан с рецессией: после начавшегося в 2012 году восстановления экономики число самостоятельных прогулок продолжило снижаться. Наиболее вероятной причиной следует признать смартфоны, которые появились у большинства подростков в 2011–2012 годах.

Как бы то ни было, результат остается неизменным: тинейджеры все реже познают окружающий мир самостоятельно, вследствие чего теряют всякое желание взрослеть, быть независимыми и нести ответственность за свои поступки.

Прямо противоположная ситуация наблюдалась в 70-х, в период взросления беби-бумеров. Билл Йейтс недавно опубликовал книгу

с фотографиями подростков, которых он снимал в начале 70-х на площадке для катания на роликовых коньках, расположенном неподалеку от города Тампа, штат Флорида. На одной из фотографий стоит голый по пояс тинейджер с большой бутылкой мятного шнапса за поясом. На другой — мальчишка позирует с зажженной сигаретой во рту. На нескольких фотографиях можно увидеть целующиеся парочки. По словам Йейтса, улизнув из-под опеки родителей, тинейджеры создавали на катке собственную модель взрослого мира, в котором можно было пить алкоголь, курить и целоваться на заднем сиденье своих машин. Казалось бы, на фотографиях нет ничего необычного — типичные для 70-х клетчатые брюки, широкие ремни, длинные волосы, — однако меня поразило то, насколько самостоятельно и независимо выглядят все запечатленные на них подростки, включая самых младших. Они уверенно смотрят в камеру, потому что привыкли самостоятельно принимать решения и отстаивать их, даже если объективно или, по мнению родителей, они абсолютно неправы. Такими были беби-бумеры — поколение, взрослевшее во времена, когда родители радовались, что их дети покидают отчий дом, а возможность разбогатеть мало зависела от наличия диплома.

Поцелуи на катке теряют популярность: дети поколения I ходят на свидания реже, чем их предшественники того же возраста (см. рис. 1.2). Число двенадцатиклассников, которые хотя бы раз в жизни были на свидании, снизилось в два раза со времен беби-бумеров. В начале 1990-х примерно трое из четырех десятиклассников время от времени ходили на свидания, а в 2010-х только один из двух.

Старшеклассники, с которыми я проводила интервью, заверили меня, что до сих пор пользуются словом «свидание», следовательно, даже теоретическое изменение терминологии не могло повлиять на результаты. Если поколение X первый этап отношений называло «лайкингом» (liking): «О, смотри, ты ему нравишься», — то дети поколения I иронично называют его «переписки» (talking), иронично намекая на то, что они предпочитают писать сообщения, а не болтать по телефону. После того как молодые люди «поговорят» в мессенджере, они могут договориться о свидании и затем начать встречаться.

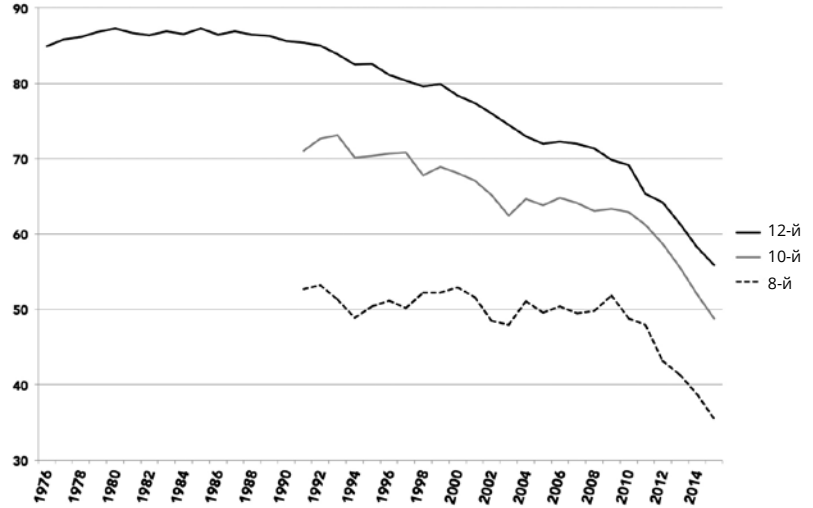

График 1.2. Процент учеников 8, 10 и 12-х классов, когда-либо ходивших на свидания. Monitoring the future, 1976–2015

Четырнадцатилетняя жительница Миннесоты Эмили говорит, что некоторые из ее друзей ходят на свидания. Я спросила, как это выглядит.

Ходят друг к другу в гости или занимаются шопингом. Обычно девушка что-нибудь покупает, а парень ее типа сопровождает.

Я расхохоталась и объяснила ей, что пожилые люди занимаются на свиданиях тем же самым.

У восемнадцатилетней жительницы штата Огайо Хлои было два молодых человека. По ее словам, в обоих случаях отношения начались на одну треть благодаря мессенджерам и социальным сетям (этап «переписки») и на две трети благодаря личным встречам. Таким образом, возможны ситуации, когда молодые люди считаются парой, но при этом сравнительно редко общаются лично. В других случаях родители могут отличаться гиперопекой, которая в прошлом встречалась реже.

Мой папа постоянно твердит, что встречаться с парнями в школе — это глупость и что никто в моем возрасте не должен ходить на свидания. Мне всегда было любопытно, почему он так считает, ведь сам он познакомился с мамой в десятом классе, и с тех пор они вместе. Когда я напоминаю им об этом, они отвечают, что были тогда слишком глупыми.

Лорен, девятнадцать лет

Другие подростки, особенно мальчики, говорят, что они боятся приглашать девушек на свидание.

Не. Я в эти игры не играл. В средней школе мне просто недоставало уверенности, поэтому о подружке я мог только мечтать.

Майк, восемнадцать лет

Общее снижение количества знакомств и свиданий напрямую связано с другим удивительным фактом: представители поколения I занимаются сексом реже, чем их сверстники в прошлом (см. рис. 1.3).

Число сексуально активных подростков наиболее заметно снизилось среди девятиклассников: почти в два раза по сравнению с 1990-ми. Среднестатистический тинейджер в наши дни получает первый сексуальный опыт в одиннадцатом классе, тогда как в 1990-е большинство подростков приобретали такой опыт в десятом классе. Число двенадцатиклассников, занимавшихся сексом в 2015 году, снизилось на 15 % по сравнению 1991 годом.

Нежелание подростков заниматься сексом создало один из самых важных, по мнению многих людей, молодежных трендов последних лет: в 2015 году рождаемость среди девушек-тинейджеров снизилась более чем в два раза по сравнению с пиковыми значениями начала 1990-х. В 2015 году только 2,4 % девушек в возрасте от 15 до 19 лет имели ребенка, тогда как в 1992 году таких было 6 %. Следовательно, чем реже они занимаются сексом, тем реже они беременеют и рожают в подростковом возрасте.

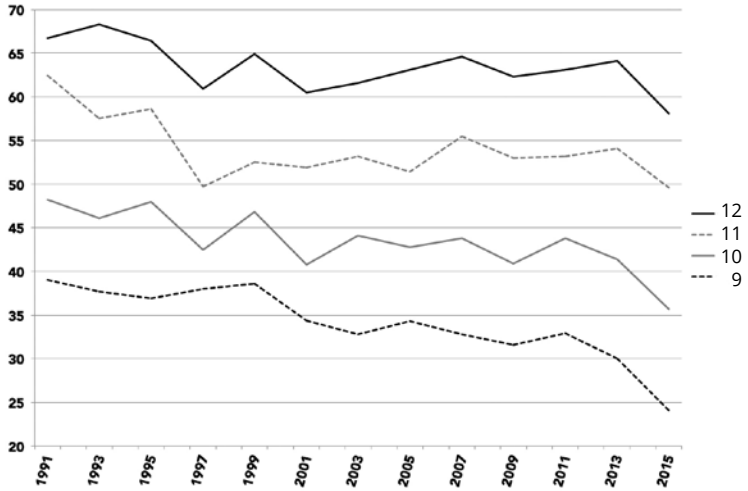

Рис. 1.3. Процент старшеклассников когда-либо занимавшихся сексом. Youth Risk Behavior Surveillance System, 1991–2015

Рис.1.4. Рождаемость среди девушек в возрасте 15–17 и 18–19 лет (на 1000 девушек соответствующего возраста). Centers for Disease Control, National Center for Health Statistics, 1980–2015